

Сергей Николаев

* * *

На три октавы выше, чем «люблю»,
щедрей костра, чувствительней, чем нервы,
чтоб жизнь и боль чужую – как свою,
и поцелуй стотысячный – как первый!

Сквозь осень и перроны – без гроша,
за парусом и птицами – стихами!
пытливей, чем бессонная душа,
доверчивей, чем детское дыханье.

От красоты пьянее, чем лоза,
по злу – прощеньем; бури – как удачу.
Скупая на щеке времён слеза...
и на надежду – вечности богаче!

Автобус

Не протирай окно, не суетись!
не всё ль равно – куда бежит автобус?
Закрой глаза и выцветшую высь
окрась мечтой, поэту уподобясь.
От сырых дач, от снежной слепоты
хотя б на час рискни отгородиться
блаженной убеждённостью, что ты –
иных миров случайная частица.
Оставь другим тоску и сплетни дня,
гадание по знакам поворотов –
пусть, высоту молчания храня,
не рвётся песня твоего полёта!
Представь, что где-то сквозь лесную глушь
неясной тенью в сумраке рассветном
иду к тебе я, близость наших душ
почувствовав сердечным интернетом.
Что мчит Земля, меняя ночь на день –
с покорностью кантуемого груза –
чтоб, нас сведя однажды в пункте Эн,
оформилась судеб гипотенуза.
А коль и разминёмся – не грусти
и не сдавай билет, как рубль рваный:
нежданные превратности пути
надёжнее привратных ожиданий.
И есть в мудросплетениях дорог,
в слиянии горизонта с небесами
намёк на то, что рок – всего лишь срок,
а Рим себе мы выбираем сами.
Давай...не знать, что кроется во мгле
за ширмою витиеватых линий.
Не гасло б солнце в лобовом стекле –
и пусть на боковых камлает иней!

В стане небесного войска
звёздные гаснут костры.
Мы расстаёмся по-свойски –
биты, печальны, мудры.

Окриком сны не нарушим,
воду не станем толочь.
Молча поставит нам в души
штамп уходящая ночь.

...и тьмою морозящей
 навеянный мотив.
 Ну что ж – пора!
 Давно не путешествовал мой плащ
 по пьяным от безлюдья мостовым,
 где время измеряется упорством
 и чёткостью всплывающих видений,
 а расстояния – числом «прости».
 Где в лиловой грусти фонарей
 размыты догмы, звуки и желанья,
 и пахнет днём творения,
 и можно,
 скользя по амальгаме двух стихий,
 почти всерьёз гадать: кто долговечней –
 остывший Город или тёплый Дождь?
 И хоть гнусавит опыт, что ей-ей,
 не след бы ставить против фаворита,
 юннатствует сознание:
 а вдруг
 уступит в этот раз он и стечёт
 всей массой зданий и начинкой снов
 в предательски услужливые люки?
 Ещё – занятно спрашивать у губ,
 смакуя тоник вызревшего лета,
 названья улиц, имена друзей;
 приятно, в грудь вобрав побольше ночи,
 всем пожелать прозрения любви.
 А встретив перепуганные фары
 в химерах заплутавшего ковчега,
 добавить: и везения!
 И долго
 шагать потом на зов теней и тайн,
 угадывая вещью душой
 над немотой скульптур и чёрной хляби
 диакритические знаки звёзд.
 Чтоб заключить, вернувшись поутру
 в намоленную рифмами клетушку,
 что бытие есть жажда высоты,
 а красота есть форма притяженья.
 И, виновато глянув на часы,
 не раздеваясь провалиться
 в счастье.

Скрипка

Тоненькие пальцы, ветхая рубашка –
 что ты плачешь, скрипка, меж бетонных башен?
 Разве ты не знаешь, что в мирской пустыне
 пёстрым и крылатым места нет отныне!
 Или ты не видишь, как соблазнов пепел
 ратуши и храмы превращает в склепы?
 Но играй смелее! жги и рви, родная,
 истины святые миру возвещая!
 Может, на мгновенье улыбнётся солнце,
 может, голос юный где-то отзовется.
 Маленькая скрипка, худенькие плечи.
 Сумрачные лица, необъятный вечер.

49

Эволюция

Скорей! скорей хоть что-нибудь...папирус,
 тетрадь, клавиатуру, наконец!
 Хочу воспеть тебя, столичный Вирус,
 всеядный мироздания венец!

Неуязвимо мал и вечно молод,
 похож ты нравом на пожар лесной.
 И наплевать тебе на лютый холод,
 на голод, радиацию и зной.

Плодящийся без заморочек женских,
 закроешь ты любой заумный спор,
 ввернув лишь, до какого совершенства
 вознёс тебя естественный отбор.

Не вижу ни малейшего изъяна!
 И – вот сейчас подумалось опять:
 быть может, превращаясь в обезьяну,
 хотим в душе мы вирусами стать?

Ветер ушёл в ночное.
 В паводке тишины,
 словно привет от Ноя,
 сольный ковчег Луны.

На картину А. М. «Одиночество»

Я волк, одиночка. В глазах моих грусть
застыла, как сдавленный крик.
Кто мнит, будто боль мне неведома – пусть
заглянет в них только на миг!

Там – эхо дождей, обречённости мгла,
облавы, скитанья, бои.
И неистребимая жажда тепла.
И сага о вечной любви.

50

Физики

...но сложное понятней им.

Б. Пастернак

По фазотрону жизни всё быстрее
бегут элементарные частицы
загромождённых суетою дней,
строча морщинок формулы на лицах.

Студенты, слишком часто мы грешим
своих экспериментов безрассудством,
плодящимся дифракцией души
и общей относительностью чувства.

Сном совести рождённая меж тем,
мешает гравитация корысти
проверке златожильных теорем
в рентгеновских лучах высоких истин.

И оттого в конспектах наших – яд,
а суть неуловима, как нейтрино.
И медленный сердец полураспад
грозит цепной реакцией гордыни.

Беспечные! никак не разберём:
где – лекции, а что – вплели мы сами.
Но ближе с каждым времени витком
у Высшего Профессора экзамен.

Одиночество

Тень Вавилонской башни

Д. Гагуа

Из плоскости тлена, от похоти тьмы
вознёвшие взор к небосклону,
великую башню воздвигнули мы
в горячих песках Вавилона.

Повенчаны клятвой служить до конца
знамёнам поставленной цели,
о нет, не гордыней пылали сердца –
мы к звёздам быть ближе хотели!

И пусть век от века клеймит нас шаблон,
и ветры пылят по руинам;
пока мы дерзаем – живёт Вавилон
в наречии братьев едином!

И светлая тень достигает орбит
сквозь мысленных мраков заслоны.
И в жилах галактиколётов бурлит
горячая кровь Вавилона.

Циклон

Сачком циклона накрытый,
желаний лишён мирских,
весь город лежит корытом
под сточной трубой тоски.

Пусты бульваров подмостки,
и – сонные – без стыда
фальшивят бузы промозглой
хлебнувшие провода.

И только нежностью пары,
забывшей про целый свет,
как полночь – лучом гитары -
хрусталик души согрет.

И пусть щетинятся лужи,
и ветер – со всех сторон;
уже отступает стужа,
всё ближе антициклон.

Светлая песня

Вздохнёт тишина на гитаре,
и тонкая вздрогнет свеча,
и месяца невод янтарный
к твоим прикоснётся плечам.
Утрёт своевольные слёзы,
поманит в предельную высь –
туда, где безумные грёзы
с пленительной явью сплелись.
Шагни на балкон и навстречу
стремительной ночи плыви,
вдыхая залившие вечность
хоралы забытой любви.
И падай в стоглазое небо,
как в пряную нежность полей,
и большего счастья не требуй!
И даже о том не жалей,
что ласково из колыбели
вовек не блеснёт нам звезда.
Не верь, будто вьюги посмели
сады занести навсегда;
что жалким руинам подобны
вулканы минувших страстей.
Любовь не бывает бесплодной;
есть тайна великая в ней!
И волею силы чудесной
из горького эха разлук
и слов недосказанных – песни
рождаются дивные вдруг.
Прощенье любых прегрешений,
заслуженный жизни венец –
в них наше с тобой продолженье,
бессмертие бранных сердец.
Помчат светоносные стаи,
сорвавшись с оживших ладов –
и где-то сугробы растают,
и новая вспыхнет любовь!

Бьёт закат прямой наводкой
по озёрным зеркалам,
тополям и дачным соткам,
прилепившимся к холмам.

Бредят птицы южным раем,
и вдыхает тишина
хмель костров, слезу стирая
с дальнозоркого окна.

Словно в поисках ответа,
бродят руки вдоль ладов.
Может, к лучшему, что лето
не вернуло нам любовь?

И ворчит метеосводка,
погружая до весны
парусиновые лодки
в многопарусные сны.

54

Мечта великая

Когда-нибудь я помоюсь и щёки выбрею чисто,
надену костюм без дырок и – надо же! – причешусь.
Меня пригласят на ужин к английскому первому министру,
и мистером всей Вселенной по праву я нарекусь.

Я крепко срублю капусту и стану сплошным капризом,
когда зарядит раскрутка в журналах и на ТиВи.
Забуду и долг, и совесть, и прочие анахронизмы,
и впредь не сложу ни строчки о дружбе и о любви.

Ко мне повлажнеют глазки моделей, и будут рады
принцессы и баронессы вздыхать под окном моим.
А кроме того... вот только... на кой мне всё это надо?
ведь все, кто мне мил и дорог, любят меня и таким.

Змеинные клубки полных строчек
глядят смущённо в зеркало зари,
и тают в ней отраву лжепророчеств
струившие во мраке фонари.

И я смотрю в прошедшее, как в эту
томящую бессмыслицей тетрадь,
жаля, что так долго ждал рассвета,
что рукопись нельзя огню предать.

Избрав измерением пятым мечту,
я новых не вымучил истин.
Но тайна вела меня сквозь пустоту
туда, по ту сторону мысли.

Росинкам и звёздам глядел я в глаза,
любовью дышал на разлуку
и чувством шестым красоту осязал –
как смех по ту сторону звука.

И верю, что, переборов немоту,
нетщётное слово проснётся.
Полгода пройдёт, и тебе я прочту
стихи – по ту сторону Солнца!

